

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-115-123
УДК 33.339.97(045)
JEL E61, F02, F53, G28

Развитие системы глобального управления в среднесрочной перспективе с учетом принципов мультилатерализма

Л.В. Крылова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9950-8060>

АННОТАЦИЯ

Скорость и масштабы происходящих в мировой экономике изменений обостряют противоречие между ее глобальным характером и преимущественно национальным уровнем регулирования, приводя, наряду с другими глобальными дисбалансами, к накоплению проблем и противоречий, требующих решения на наднациональном уровне.

Предметы исследования – факторы и направления развития системы глобального управления в условиях двойного перехода к «зеленой» и цифровой экономике, продолжающейся пандемии коронавируса и нарастания общей неустойчивости мировой валютно-финансовой системы.

Цель работы – определение перспективных направлений развития существующей системы глобальных регуляторов, обеспечивающих возможность решения ключевых проблем глобальной мировой валютно-финансовой системы на базе принципов мультилатерализма.

В результате проведенного исследования доказано, что трехуровневая система глобального управления, состоящая из взаимодействующих формальных и неформальных регуляторов, в большей степени соответствует задачам наднационального регулирования в глобальной экономике при условии соблюдения принципа мультилатерализма, а вектор ее дальнейшего развития обусловлен трендом на повышение значимости неформальных институтов регулирования при увеличении степени их институализации. Обоснованы необходимость формирования и глобального перераспределения финансовых ресурсов в целях предотвращения новых дисбалансов, а также целесообразность разработки системы раннего выявления надвигающегося кризиса и триггеров на включение превентивных антикризисных программ финансовой помощи для развивающихся стран.

Ключевые слова: мировая валютно-финансовая система; МВФ; глобальное управление; неформальные регуляторы; мультилатерализм; цифровизация

Для цитирования: Крылова Л.В. Развитие системы глобального управления в среднесрочной перспективе с учетом принципов мультилатерализма. *Экономика. Налоги. Право.* 2022;15(1):115-123. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-115-123

ORIGINAL PAPER

Development of the Global Governance System in the Medium Term, Taking into Account the Principles of Multilateralism

L.V. Krylova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9950-8060>
SPIN-код: 9748-7925

ABSTRACT

The speed and scale of the changes taking place in the global economy exacerbate the contradiction between its global nature and the predominantly national level of regulation, which leads, along with other global imbalances, to the accumulation of problems and contradictions that need to be resolved at the supranational level.

The subjects of the research are the factors and directions of the development of the global governance system in the context of the dual transition to the “green” and digital economy, the ongoing coronavirus pandemic and the growing general instability of the global monetary and financial system.

© Крылова Л.В., 2022

The purpose of the work is to identify promising directions for the development of the existing system of global regulators that provide the ability to solve key problems of the global world monetary and financial system based on the principles of multilateralism.

As a result of the conducted research, it is proved that the three-level system of global governance, consisting of interacting formal and informal regulators, is more consistent with the tasks of supranational regulation in the global economy, subject to the principle of multilateralism, and the vector of its further development is due to the trend to increase the importance of informal regulatory institutions with an increase in the degree of their institutionalization. The necessity of formation and global redistribution of financial resources in order to facilitate the double transition of the most vulnerable countries and prevent new imbalances, as well as the expediency of developing a system for early detection of the impending crisis and triggers for the inclusion of preventive anti-crisis financial assistance programs for developing countries are substantiated.

Keywords: world monetary and financial system; IMF; global governance; informal regulators; multilateralism; digitalization

For citation: Krylova L.V. Development of the global governance system in the medium term, taking into account the principles of multilateralism. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(1):115-123. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-115-123

ВВЕДЕНИЕ

Скорость изменений, происходящих в мировой валютно-финансовой системе (далее — МВФС), требует адекватного институционального механизма, способного отвечать на вызовы современности. При этом глобальный характер процессов не позволяет эффективно решать возникающие проблемы на уровне национальных государств в условиях обострения дисбаланса между глобальным характером МВФС и преимущественно национальным уровнем ее регулирования.

Созданные около 75 лет назад Международный валютный фонд (далее — МВФ) и Всемирный банк являлись неотъемлемой составной частью Бреттон-Вудской системы и эффективно выполняли в ней свои функции. После отмены золотого стандарта, распространения плавающих валютных курсов и развития процессов глобализации потребность в наднациональных механизмах глобального регулирования существенно возросла, а эффективность традиционных бреттон-вудских институтов снизилась. Неоднократные попытки их реформирования, сопровождавшиеся расширением функций и объемов располагаемых ресурсов этих международных институтов, не изменили базовых принципов и основных бенефициаров их деятельности. Несмотря на изменение соотношения сил в мировой экономике и мировых финансах, усиление позиций развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, контроль за решениями МВФ остался за США, имеющих в нем пакет больше 15% голосов, которые дают право на наложение вето при принятии важнейших решений. После пересмотра квот стран — членов

МВФ в 2016 г. доля развитых стран составила 57,7%, а развивающихся — 42,3%, тогда как последние создают 57,5% глобального ВВП (по ППС в 2020 г.)¹. При этом США имеют 17,7% голосов, ЕС — 30,2%, а страны БРИКС — только 14,7%. Соответственно доступ к общим ресурсам МВФ ограничен у развивающихся стран, что создает угрозу общей устойчивости МВФ, особенно в периоды кризисов.

Несоответствие системы традиционных валютно-финансовых регуляторов бреттон-вудского формата, поддерживающих и закрепляющих доминирующие позиции США и их союзников, потребностям обеспечения устойчивого сбалансированного развития глобальной экономики с учетом интересов различных стран мирового сообщества, а также неэффективность глобального антикризисного управления этих структур привели к появлению новых институтов и механизмов в системе глобальных регуляторов в виде особой группы неформальных наднациональных образований, в частности *G20*, принимающей согласованные решения и характеризующейся гибкостью и многообразием форматов взаимодействия входящих в нее стран, отсутствием бюрократизации и жестких институциональных форм. Таким образом, в мировом сообществе сформировалась своеобразная система глобального управления, состоящая из традиционных и неформальных регуляторов, действующих во взаимосвязи. Эта система оказалась способной к саморазвитию в отличие от бреттон-вудских институтов.

¹ IMF. World Economic Outlook. April 2021. P. 106. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>.

ФЕНОМЕН НЕФОРМАЛЬНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ

В рамках международных экономических отношений государства преследуют свои интересы, которые могут не совпадать и даже быть противоположными. В связи с этим возникает потребность в учете и гармонизации позиций различных стран в целях обеспечения стабильности мировой экономики. Традиционно это осуществлялось в рамках международных организаций, выполняющих функции органов наднационального регулирования экономических и валютно-финансовых отношений. Государства создают соответствующие институты, получая выгоды от выполняемых данными институтами функций [1, с. 116]. При этом межгосударственное взаимодействие в рамках наднациональных органов глобального регулирования, получившее название «комплексная взаимозависимость» [2], предполагает использование многочисленных и разнообразных формальных и неформальных каналов такого взаимодействия.

Решение двуединой задачи учета страновых интересов и защиты общих потребностей участников международных валютно-финансовых отношений в глобальной экономике означает координацию действий государственных органов валютного регулирования стран-членов для повышения эффективности проводимой ими экономической и валютной политики; разработку международных стандартов регулирования; урегулирование международных конфликтов и споров. Для этого было необходимо подкрепить статус традиционных наднациональных регуляторов типа МВФ правом вмешательства в процессы регулирования в национальных юрисдикциях. Реализация задач и функций этих организаций также предусматривала аккумуляцию, управление и перераспределение общих валютно-финансовых ресурсов, предназначенных для поддержки стран-членов, испытывающих временные трудности, а также для развития рыночной инфраструктуры и экономического потенциала наименее развитых стран в целях сокращения неравенства и глобальных дисбалансов. Принятие решений по финансовым вопросам, необходимость контроля за целевым использованием средств привели к значительной бюрократизации международных организаций, прежде всего МВФ. При историческом доминировании США в мировой экономике, политике и финансах деятельность международных валютно-финансовых организаций (далее — МВФО) не могла не использоваться в интересах данной страны.

Осознание неэффективности существующих МВФО в новых условиях побудило заинтересованные государства к поиску новых форматов межстранового взаимодействия. В результате сформировалась и стала активно функционировать группа так называемых *неформальных глобальных регуляторов* — институтов, имеющих характер консультационно-координационных форумов, соблюдающих принципы консенсуса при принятии решений и выступающих за добровольность их имплементации на национальном уровне. Сюда относятся «Группа 7»² (G7), «Группа 20»³ (G20), Совет по финансовой стабильности (далее — СФС), группа стран БРИКС и т.д. После мирового кризиса 2008–2009 гг. их значение стало возрастать. Сформировался тренд к усилению значимости неформальных институтов наднационального и межгосударственного регулирования, росту их количества и функционала как отражение кризиса традиционных институтов МВФС. Многоуровневая система глобального регулирования (далее — СГР) с участием неформальных институтов в большей степени соответствует складывающейся в мире ситуации и потребностям разных стран.

Система глобального регулирования в настоящее время состоит из трех взаимосвязанных компонентов: «Группы 20» как глобального наднационального регулятора, функционирующего в формате ежегодных саммитов лидеров входящих в нее стран; международных организаций мировой финансовой архитектуры (далее — МФА) и полномочных представителей государств-членов (рис.).

Заявленными целями деятельности G20 являются координация политики стран-членов для достижения глобальной экономической стабильности, устойчивого роста, укрепление кризисоустойчивости МВФС и модернизация МФА. Хотя G20 создавалась как неформальный клуб лидеров системно значимых стран мира для согласованного многостороннего и неангажированного решения проблем глобального развития, алгоритм работы данного института (в следующем формате: предварительная проработка вопросов шерпами — доверенными лицами руководителей стран — членов G20, выработка решений министрами финансов и/или их заместителями, итоговое принятие

² В G7 входят Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Японию и США.

³ G20 объединяет представителей 19 стран: Аргентины, Австралии, Бразилии, Германии, Индии, Индонезии, Италии, Канады, Китая, Республики Корея, Мексики, России, Саудовской Аравии, Южной Африки, Турции, Великобритании, США, Франции, Японии, а также Европейского союза.

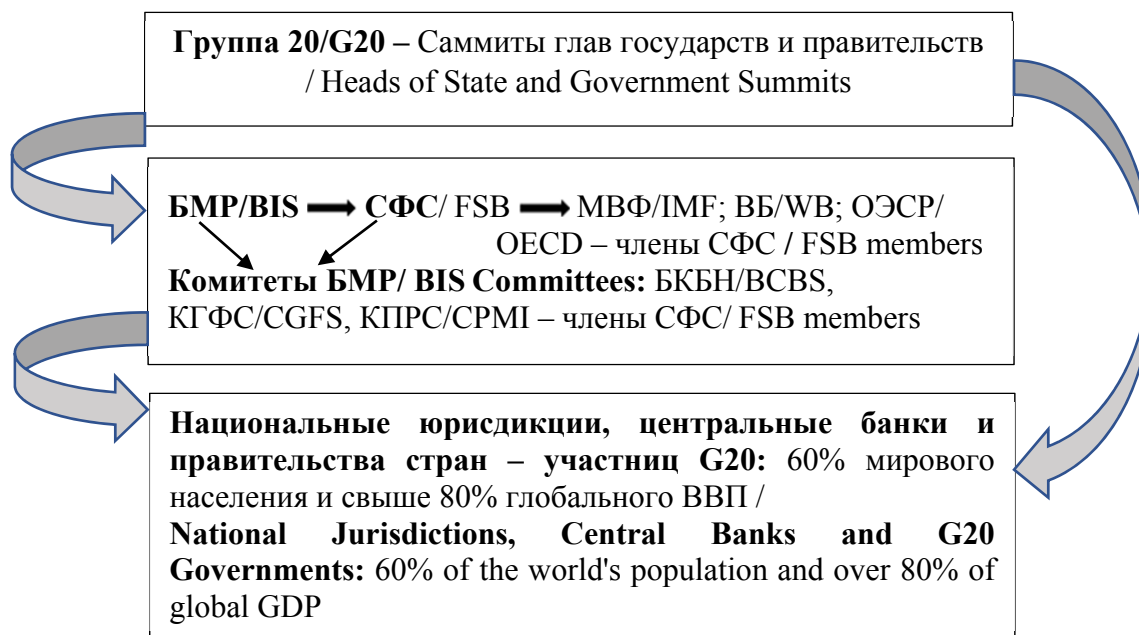

Рис. / Fig. Трехуровневая система глобального регулирования / Three-tier system of global regulation

Примечание / Note: БМР – Банк международных расчетов / Bank for International Settlements; БКБН – Базельский комитет по банковскому надзору / BCBS – Basel Committee on Banking Supervision; КГФС – Комитет по глобальной финансовой системе / CGFS – Committee on the Global Financial System; КПРИ – Комитет по платежам и рыночной инфраструктуре / CPMI – Committee on Payments and Market Infrastructures.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ранее согласованных решений лидерами стран) позволяет достаточно эффективно выполнять функции глобального регулятора.

Существующая институциональная триада глобального регулирования обладает определенной гибкостью и функциональностью. В рамках этого механизма страны – члены «Группы 20» определяют приоритетные для решения глобальные проблемы и возможные планы действий, а международные организации действующей МФА (МВФ, Всемирный банк, Банк международных расчетов – БМР и т.п.), продолжая выполнять свои обычные функции, проводят необходимые исследования, разрабатывают рекомендации и обеспечивают техническую помощь.

Мониторинг исполнения принятых на саммитах G20 решений осуществляет Совет по финансовой стабильности (далее – СФС), в чьи обязанности входят координация работы международных и национальных финансовых регуляторов и обеспечение их взаимодействия, а также выявление уязвимостей глобальной финансовой системы. С 2013 г. СФС стал юридическим лицом, продолжая при этом функционировать на базе и за счет средств БМР. Таким образом, происходит процесс институализации неформальных институтов системы глобального управления.

В своей деятельности «Группа 20» активно взаимодействует с традиционными международными институтами, опираясь на комбинацию следующих моделей взаимодействия: «каталитическое воздействие», «ядро, влияющее на систему» и «параллельное управление» [3]. Первая модель обуславливает необходимость реформирования международных организаций, вторая направлена на выявление и стимулирование новых направлений деятельности для других институтов, а третья предполагает создание собственных регуляторных механизмов. Исследование характера взаимодействия G20 и МВФ выявило преобладание второй из названных моделей («ядра, влияющего на систему»), при этом наиболее активное взаимодействие осуществлялось с такими организациями, как МВФ, СФС, Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). При этом модель «параллельное управление» применялась лишь в 2% случаев взаимодействия [4, с. 54, 58], что свидетельствует об относительной достаточности имеющегося на данный момент в рамках институциональной триады глобального управления регуляторного инструментария.

Деятельность «Группы 20» по разработке мер, направленных на снижение уровня глобальных дисба-

лансов, отражает по своей сути интересы большинства стран, однако принципы работы G20 нуждаются в совершенствовании. Имеется также ряд проблем, решение которых содействовало бы развитию системы глобального регулирования в духе принципов мультилатерализма, т.е. организации международных внешнеэкономических отношений, основанных на механизмах, позволяющих каждой стране пользоваться привилегиями в отношениях со всеми партнерами, и в русле интересов России и других развивающихся стран.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ РОЛИ «ГРУППЫ 20» В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Поскольку наднациональное регулирование в современных условиях является «управлением без суверенной власти» [5, с. 33], возникает проблема *необязательности* принятых решений и отсутствия ответственности за их невыполнение. Несмотря на то, что «институциональный потенциал и опыт регулирования являются важными источниками власти» [6], просматривается необходимость повышения легитимности в деятельности G20 при осуществлении контроля за выполнением принятых решений. Это подтверждается различными планами реформирования G20, а также предложениями по ее замене на новый институт наднационального регулирования и надзора — Глобальный экономический совет (*Global Economic Council*) [7]. Столь кардинальная мера представляется нецелесообразной и мало реальной для исполнения. Усиление жесткости и иерархичности институциональной структуры глобального регулирования повысит конфликтность и снизит эффективность принимаемых решений. Более того, велика вероятность того, что будет утрачено основное преимущество G20 — стремление к равноправному взаимодействию государств — членов и учету интересов всех участников. Скорее всего, при создании данного органа был бы воспроизведен формат старых бреттон-вудских институтов МВФС под контролем США и их англосаксонских союзников. Даже в существующем варианте проблемами G20 являются пренебрежение принципами мультилатерализма со стороны США, асимметрия возможностей влияния на принятие решений стран G7 и развивающихся государств, угроза развития процессов фрагментации. Тем не менее представляется полезным некоторое повышение степени институализации G20.

Требуются принятие мер по повышению ответственности за реализацию принятых решений и обеспе-

чение большей сбалансированности интересов ключевых членов группы G20: России, Китая и США. Прогресс в этом направлении может достигаться посредством максимальной информационной открытости отчетов представителей стран, персональной ответственностью лидеров и должностных лиц, а также институтов гражданского общества, особенно в развитых странах G20.

Режим работы «Группы 20» является *дискретным* и предполагает проведение ежегодных саммитов, что становится причиной возникновения заметных лагов между возникновением и выявлением проблем и принятием мер по их урегулированию. Это серьезный недостаток, поскольку своевременность принятия антикризисных мер является ключевым фактором обеспечения их эффективности⁴. На наш взгляд, решению вышеуказанной проблемы может помочь разработка системы раннего выявления признаков надвигающегося кризиса и *триггеров* включения превентивных антикризисных программ финансовой помощи в первую очередь для развивающихся стран. Неустойчивость их финансовых систем, высокая степень уязвимости при ухудшении мировой конъюнктуры и ограниченные возможности национальных бюджетов требуют особого подхода к этой группе государств при разработке методов кризисного предупреждения и глобальных программ антикризисной финансовой поддержки.

Прообразом таких превентивных программ может стать «Гибкая кредитная линия» МВФ, предназначенная в настоящее время лишь для стран с высокими экономическими показателями. Ее использование предполагает доступ развитых государств в кризисных условиях к ресурсам МВФ в больших объемах без предварительного согласования с этим Фондом целевых параметров их использования. Создание программ, аналогичных «Гибкой кредитной линии», для развивающихся стран или распространение на них действующего механизма позволит выиграть время для принятия превентивных антикризисных мер в наиболее уязвимом секторе мировой экономики. Тем более, что в разгар мировых кризисов МВФ все равно приходится оказывать этим странам финансовую поддержку, но она является запоздалой и менее эффективной.

Реализация данного предложения связана с еще одним насущным вопросом глобального регулирования — необходимостью значительного увеличения

⁴ Tools for managing banking distress: historical experience and lessons for today/ BIS Quarterly Review. December 2020. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2012d.htm.

ресурсов МВФО и МВФ. Более кардинальный подход к решению этой проблемы лежит в плоскости создания давно обсуждаемой в мировом экспертном сообществе *Глобальной сети финансовой безопасности (Global Financial Safety Net — GFSN)*. Кризис, вызванный *COVID — 19*, актуализировал необходимость внесения этого вопроса в повестку дня саммита «Группы 20» в Риме.

Кризис 2008–2009 гг. стал причиной появления разрозненной и нескоординированной совокупности глобальных, региональных и двусторонних источников краткосрочной антикризисной поддержки, которым хронически не хватает ресурсов. Общий объем антикризисного финансирования в рамках *GFSN* оценивается в 3,5 трлн долл. США, или 4% мирового ВВП. Из них на долю МВФ приходится примерно 1 трлн долл. США, остальное направляется на выполнение региональных финансовых соглашений (далее — *RFA*) и на двусторонние валютные свопы центральных банков, прежде всего ФРС и Народного банка Китая⁵.

Доступность для стран средств *GFSN* отличается крайней неравномерностью и несправедливостью: многие государства имеют доступ только к небольшой части средств *GFSN*, а некоторые страны имеют сразу несколько вариантов привлечения заемных ресурсов. В 2018 г. около половины государств — членов МВФ имели доступ только к его ресурсам. Это касается преимущественно стран Африки к югу от Сахары и большей части государств Латинской Америки, тогда как большинство стран Европы, Евразии и Юго-Восточной Азии имеют доступ к богатым региональным фондам и/или к свопам ФРС США или Народного банка Китая. Очевидно, что эти страны гораздо лучше подготовлены к внезапным остановкам в движении капитала и кризисам ликвидности. В целях устойчивого развития такое неравенство должно быть устранено, а функционирование различных элементов *GFSN* — скоординировано и выстроено в единую слаженную систему.

Насущность данной проблемы подтверждается проведенным в период коронакризиса новым распределением специальных прав заимствования (*Special Drawing Rights, SDR* — СДР) на сумму 650 млрд долл. США, из которых лишь 275 млрд долл. США причитаются развивающимся странам и государствам с формирующимися рынками, а также рекомендациями

G20 и МВФ по созданию нового Трастового фонда на цели достижения стойкости и долгосрочной устойчивости (*Resilience and Sustainability Trust — RST*) для расширения доступа беднейших стран к долгосрочному финансированию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ «ГРУППЫ 20»

Перед мировым сообществом стоят амбициозные задачи, требующие решения в среднесрочной и/или долгосрочной перспективе. Достижение целей устойчивого развития к 2030 г. предполагает балансировку его трех аспектов: экономической эффективности, социальной включенности и экологической устойчивости.

В настоящее время усилия национальных и международных регуляторов сосредоточены на согласовании мер, направленных на сокращении выбросов парниковых газов и переход на безуглеродную экономику. На Римском саммите (2021 г.) лидеров государств «Группы 20», на которые приходится около 60% населения и свыше 80% глобального ВВП, продемонстрировано твердое намерение стран-участниц перейти к карбоновой нейтральности в энергетике и сократить выбросы парниковых газов до нуля к 2050 г. Однако по этому вопросу не удается достичь консенсуса: Россия, Китай и Индия имеют свои мнения по данному вопросу. Представляется, что переход к карбоновой нейтральности и «зеленой» экономике может стать тем камнем преткновения, который испытает на прочность как *G20*, так и вся система глобального регулирования в ее нынешнем виде. Помимо того, что данный переход повлияет на общую экономическую устойчивость и кардинально изменит соотношение сил в мировой экономике, он потребует колоссальных ресурсов, отвлекаемых от решения других не менее насущных задач устойчивого развития. По существующим оценкам на него потребуется порядка 100–150 трлн долл. США.

Другой вызов связан с цифровизацией мировой экономики и финансовой сферы. Цифровые технологии обусловили сосредоточение значительной стоимости в небывало короткие сроки у небольшого числа стран, лиц и компаний. Ускоряющиеся темпы цифровизации платежей и других финансовых услуг, изменение бизнес-моделей финансовых и производственных компаний и структуры цепочки создания стоимости способствуют повышению степени экономического и финансового взаимодействия разных государств. С одной стороны, цифровизация создает множество новых возможностей, в том числе в контексте струк-

⁵ The Global Financial Safety Net Tracker: Lessons for the COVID-19 Crisis from a New Interactive Dataset. GEGI@GDPCenter. /Boston University. April 2020.

турных изменений, с другой — требует значительных финансовых и интеллектуальных ресурсов, высокого уровня развития технологий, которыми не располагает большинство развивающихся государств. Если в развитых странах доступ к интернету имеют четверо из пяти граждан, то в беднейших — лишь каждый пятый⁶, т.е. формируется крайне опасный потенциал *нового глобального дисбаланса*.

Размер цифровой экономики в настоящее время по разным оценкам составляет от 4,5 до 15,5% глобального ВВП, причем около 40% добавленной за счет информационно-коммуникационных технологий стоимости создают США и Китай⁷. Достижение целей устойчивого развития требует от «Группы 20» установления «правил игры» и регулирования отношений стран разного уровня развития в данной сфере; в противном случае цифровизация приведет к углублению неравенства, развитию сегрегации и злоупотреблениям при осуществлении доступа к цифровым технологиям. Решение данной проблемы актуализируют согласованный на Римском саммите 2021 г. запуск цифровых валют центральных банков и их использование в трансграничных операциях.

Цифровизация мировой экономики и финансов связана с необходимостью оказания технологической и финансовой помощи экономикам развивающихся стран в развитии цифровой трансформации. Для запуска этого процесса возможны формирование небольших локальных кластеров цифровых услуг местного характера и расширение доступа к сети Интернет. Источниками финансирования могут быть поступления от 15% глобального налога на прибыль ТНК и цифровых монополистов, а также Травостый фонд *RST*. Очень скоро *G20* придется решать вопрос анти-монопольного регулирования в глобальной цифровой сфере.

Цифровизация неизбежно ведет к повышению роли и значения «Группы 20» вследствие сложности регулирования процессов межстранового цифрового взаимодействия в рамках национальных юрисдикций.

В рамках совершенствования СГР и деятельности *G20* придется учитывать опыт мирового кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*, который оказался по своим последствиям самым тяжелым за последние 50 лет. В результате него усилились противоречия, обострились дисбалансы, накопившиеся в мире.

⁶ Доклад о цифровой экономике UNCTAD/DER/2019 (Overview). 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf.

⁷ Там же.

Долговая нагрузка корпоративного и государственного секторов находится на историческом максимуме. Ожидается, что меры антикризисной поддержки приведут к увеличению суверенного долга в 2021 г. по сравнению с докризисными прогнозами на 16 п.п. от ВВП стран *G20* с развитой экономикой и примерно на 6 п.п. от ВВП государств *G20* с формирующимися рынками⁸.

Критический дефицит бюджетов обостряет долговую зависимость не только развивающихся стран, но и ведущих мировых держав. При этом особенности монетарной политики в развитых странах, особенно в США, могут негативно влиять на положение развивающихся стран: ухудшение долговой ситуации и условий финансирования в развивающихся странах может стать для них ключевым среднесрочным вызовом.

Для предотвращения череды суверенных дефолтов необходимо согласование на глобальном уровне условий долгосрочного долгового моратория для стран с низким уровнем доходов и государств, которые особо тяжело пострадали от пандемии коронавируса. На саммите «Группы 20» в Риме удалось получить лишь отсрочку платежей по обслуживанию долга (*Debt Service Suspension Initiative — DSSI*) для беднейших стран до декабря 2021 г., которой воспользовались не менее 50 государств.

Следует отметить, что текущий кризис выявил дальнейшее падение доверия к международным финансовым организациям и многосторонним механизмам валютно-финансового сотрудничества, оказавшимся неспособными обеспечивать необходимую поддержку пострадавшим развивающимся странам. Поэтому по-прежнему актуальным остается вопрос реформирования и демократизации основных международных финансовых институтов.

Устранение лакуны в регулировании фондовых рынков и продвижение вопроса о глобальном налогообложении финансовых сделок отвечают интересам большинства государств. Их реализация позволит уменьшить спекулятивную активность глобальных игроков, дестабилизирующую мировые рынки, и сократить бюджетные антикризисные расходы, особенно чувствительные для развивающихся стран. На 16-м Римском саммите лидеров государств *G20*, состоявшемся в октябре 2021 г., удалось, наконец, согласовать

⁸ G-20 Leaders' Summit November 21–22, 2020 Riyadh Summit. Executive summary. URL: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2020/111920.pdf>.

введение глобального налога на прибыль ТНК в размере не менее 15%, который снизит возможности регуляторного арбитража и ухода от налогов путем регистрации бизнеса в офшорах.

Расширение присутствия на мировом финансовом рынке небанковских финансовых институтов (далее — НБФИ) обусловило появление секторов деятельности, не охваченных международными стандартами наднационального регулирования. К началу 2020 г. активы НБФИ составляли 200,2 трлн долл. США, увеличившись с 45% совокупных мировых финансовых активов в 2008 г. до 57% — в 2019 г. Бизнес-модель НБФИ базируется на использовании краткосрочных обязательств для финансирования долгосрочных финансовых активов. Такая структура баланса несет в себе существенные риски утраты устойчивости и трансферта проблем дефицита ликвидности в банковский сектор. Хотя ряд мер по распространению принципов пропорционального регулирования и требования по соблюдению обязательных экономических нормативов внедряются в практику деятельности этой группы финансовых институтов, фрагментарность надзора и отсутствие единых международных стандартов формируют очаг уязвимости НБФИ.

Вопросы, которые затрагивала Россия на последних саммитах «Группы 20» отражает спектр ее интересов в контексте глобального регулирования. Так, обращалось внимание мирового экономического сообщества на необходимость дальнейшего реформирования бреттон-вудских институтов, целесообразность регулирования глобальных фондовых рынков и надзора за небанковскими финансовыми институтами, желательность привлечения различных не связанных с МВФ наднациональных институтов для выявления признаков, предвещающих кризисы на ранних стадиях их возникновения.

Можно выделить следующие приоритеты реформы системы расчета квот и голосов для России в МВФ:

- 1) изменение весов экономических показателей, учитываемых при расчете квот стран-участниц;
- 2) перечисление дополнительных средств на сумму увеличения квот в МВФ;
- 3) расширение участия России и стран — членов БРИКС в системе управления МВФ [8, с. 344].

Действующая формула расчета квот представляет собой средневзвешенное значение ВВП (вес 50%), открытости для мировой экономики (30%), экономической изменчивости (15%) и международных резервов (5%). В этой связи России необходимо добиваться увеличения веса ВВП и международных резервов

в формуле расчета квоты при сокращении доли экономической изменчивости.

ВЫВОДЫ

Неспособность *бреттон-вудских* финансовых регуляторов отвечать вызовам современности обусловили развитие неформальных институтов наднационального регулирования, действующих на основе консенсуса, принципов мультилатерализма и добровольности. В результате сформировалась и получила дальнейшее развитие трехуровневая система глобального управления, состоящая из взаимодействующих формальных и неформальных наднациональных регуляторов. Тренд на усиление значимости неформальных институтов в этой системе определяет вектор ее дальнейшего развития в среднесрочной перспективе. Роль «Группы 20» в системе глобального регулирования зависит от ее готовности к закреплению и соблюдению принципа мультилатерализма.

Вызовы, на которые придется отвечать институтам системы глобального регулирования, обусловлены нарастающей неустойчивостью МВФС, обострением конфликтов между странами-лидерами, изменением климата, двойным переходом к «зеленой» и цифровой экономике, неопределенностью, вызванной пандемией *COVID-19*. Для этого система должна обладать большей устойчивостью, оперативностью и иметь в своем распоряжении значительный объем финансовых ресурсов, необходимых для инвестиционной и антикризисной поддержки наиболее уязвимых членов мирового сообщества.

В среднесрочной перспективе неформальным участникам глобальной системы регулирования потребуется некоторая степень институализации. Представляется целесообразным решение этой проблемы в формате постоянно действующих профильных комитетов *G20* для преодоления дискретного характера функционирования «Группы 20» и достижения большей оперативности в решении тактических задач без излишней бюрократизации и отхода от принципов мультилатерализма.

Для усиления антикризисного потенциала предлагается разработать систему раннего выявления признаков надвигающегося кризиса и триггеров на включение превентивных антикризисных программ финансовой помощи для развивающихся стран. Завершение создания единой многокомпонентной глобальной сети финансовой безопасности с обеспечением равноправного для всех стран доступа к ее ресурсам необходимо для реализации глав-

ных целей «Группы 20» — достижение глобальной экономической стабильности, устойчивого роста, укрепления кризисоустойчивости МВФС. Неотложными задачами, затрагивающими интересы России и других развивающихся стран, являются завершение реформирования МВФ и модернизация мировой финансовой архитектуры в соответствии с требованиями времени.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Rosamond B. Theories of european integration. Basingstoke and New York: Macmillan: St. Martin's Press; 2000. 232 p.
2. Keohane R., Nye Jr. Power and independence. World politics in transition. Fourth Edition. N.Y.: Longman; 2012. 330 p.
3. Putnam R., Bayne N. Hanging together. Cooperation and conflict in the seven-power summits. London: Sage Publications. Harvard University Press; 1988. 256 p.
4. Ларионова М.В. «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста. *Вестник международных организаций*. 2017;12(2):54–86. DOI: 10.17323/1996–7845–2017–02–54
Larionova M. G20: engaging with international organizations to generate growth. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = International Organisations Research Journal*. 2017;12(2):54–86. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2017–02–54
5. Ревизорский М. «Группа двадцати» и развитие нового механизма глобального управления. *Вестник международных организаций*. 2017;12(3): 32–52. DOI: 10.17323/1996–7845–2017–03–32
Rewizorski M. G20 and the development of a new global governance mechanism. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = International Organisations Research Journal*. 2017;12(3):32–52. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2017–03–32
6. Farrell H., Newman A.L. Making global markets: historical institutionalism in international political economy. *Review of International Political Economy*. 2010;17(4):609–638.
7. Slaughter S. Debating the international legitimacy of the G20: global policy making and contemporary international society. *Global Policy*. 2013;4(1):43–52.
8. Звонова Е.А., Ершов М.В., Кузнецов А.В., Навой А.В., Пищик В.Я. Реформирование мировой финансовой архитектуры и российский финансовый рынок: монография. М.: Русайнс; 2016. 430 с.
Zvonova E.A., Ershov M.V., Kuznetsov A.V., Navoi A.V., Pishchik V. Ya. Reforming the world financial architecture and the Russian financial market: monograph. Moscow: Ruscience; 2016. 430 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любовь Вячеславовна Крылова — доктор экономических наук, профессор департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kryloffs@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lubov V. Krylova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia
kryloffs@yandex.ru

Статья поступила 08.11.2021; принята к публикации 20.01.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 08.11.2021; accepted for publication 20.01.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.